

Татьяна Золотарева (Чичинова), Горно-Алтайск

Папины пельмени (Адамнын⁷ пелмендери)

Папка не признавал никаких мясорубок.

– Да разве это пельмени, мать? – Он пытался сморщить свой мясистый, слегка приплюснутый нос с раздутыми ноздрями, как у коня во время бега, но вместо этого на его алтайском лице появлялось такое неожиданное выражение, что мы не могли удержаться от смеха.

Мы знали – тогда папка будет стряпать пельмени.

Ранним утром папины друзья приводили в стайку выбракованного жеребца. Нас во двор в это время не пускали, но я один раз подсмотрела, что там делалось в стайке. Мужики спутывали ноги у жеребца и валили его наземь. Бедное животное ржало, билось, видно, чувствуя свою кончину. Я убежала в дом, забила в самый дальний угол печи. Дальше я уже не видела, что там происходило.

После разделки туши мясо морозили, опуская в глубокий погреб со льдом, солили, вялили.

Папка мастерски готовил из конского мяса колбасу и пельмени. В кухне терпкий запах крови перемешивался с запахом сырого и варёного мяса. Управившись с колбасой, папка принимался за пельмени. Тут наступала и наша очередь.

Первыми с печной лежанки спрыгивали братья, за ними мы, девчонки, и гуськом шлёпали на кухню мыть руки. Рукомойником каждый из нас гремел, как мог, для того, чтобы папка слышал и знал, что руки у нас чистые. Отец мог вкусно приготовить любую пищу, но пельмени у него получались особенные, пальчики оближешь.

Плотно подвязав свой выпуклый живот чистым льняным полотенцем, он нарезал мясо большими кусками и клал его в деревянное корытце. Измельчал его папка стальной сечкой, края которой закручивались как гороховые усы. Фарш получался быстро да такой вкусный и сочный, что мы сглатывали слюнки. А он добавлял разные приправы на глаз и, когда фарш был готов, звал маму.

– Валюша, попробуй, – и протягивал ей мясо. Мама в знак одобрения, что фарш удался, закрывала глаза. Мы впятером топтались у корытца и тянули свои ладошки.

– Цыц! – произносил папка строго, но не сердито, – глисты заведутся! – Мы прятали руки за спины и отходили. Отца мы побаивались и слушались беспрекословно.

Тесто он тоже замешивал сам, и пельмени лепил фактически один на всю нашу прожорливую ораву. Мы, вообще-то, как могли, помогали, но где нам было угнаться за папкой, когда даже мама и то не поспевала за ним.

Отцовы пельмени походили на близнецов, толстые, аппетитные, он выстраивал их в ряд, как бильярдные шары. У мамы пельмени получались разные, то тоньше, то толще, а о наших и говорить нечего. Как мы ни старались, мясо почему-то вылезало, тесто не лепилось. Мы незаметно, как нам казалось, слюнили под столом пальцы, и пельмени выходили неуклюжие, мокрые. Папка подтрунивал над нами:

– Ай, балам! Ай, невесты! Женихи-то будут чимирикут, сопливые, мясо-то всё повылазило.

А кому хотелось, чтобы жених попался сопливый! Наташа, я, Олька и Верунька и Ваня старались изо всех сил. Пыхтя, сопя, мы залепляли красные проталинки на пельменях мукой. Но все наши усилия были напрасными: хоть в одном месте, но мясо вылезало. Когда мне удавалось сделать чистый пельмень, я тайком надеялась, может, всё-таки жених будет не чимирику.

Старший брат, подсмеиваясь, подталкивал меня в бок.

– Александр – балам! – Отец, сощурившись, чтобы не рассмеяться, обращался к старшему сыну: – Над сестрёнками смеёшься, а у самого жинка будет ходить со спущенными чулками, такая же неряха, как и твой пельмень.

Сашок заливался краской до корней чёрных волос и тоже, как мы, старательно склеивал свой пельмень. Пока мы трудились над своими уродцами, на печи закипала вода в ведёрном казане, а папка заканчивал лепить пятую сотню.

– Ну, колорадские жуки мойте руки, и за стол!

Пельмени мы любили есть с молоком. За стол отец садился последним, когда мы уже уплетали содержимое наших тарелок за обе щёки, поглядывая на старую деревянную чашку, которая стояла напротив главы семейства.

Сколько я себя помню, столько и была в нашем доме эта чочой. Папка пил только из неё. Вот и сейчас, прежде чем к ней прикоснуться, он на какое-то мгновение задумался, лицо его стало отрешённым, как будто отец совершал старинный родовой обряд. Мы переставали есть, но папка оживал и, весело подмигнув нам, принимался есть пельмени.

Для нас чочой древнего сеока танды, с едва заметным рисунком, была словно из легенды. Мы боялись к ней даже притрагиваться, так как знали, что папка ей очень дорожит. Деревянная чашка переходила от отца к сыну, от деда к внуку: трудно сказать, через сколько поколений она досталась нам.

Приглядевшись, на ней с трудом можно было различить гривы несущихся коней. Мне она казалась не только древней, но и таинственной. Через неё, действительно, спустя много лет, каждому из нас откроются жизненные секреты.

А пока мы об этом не думали, уплетая содержимое наших тарелок с молниеносной быстротой. Пельмени у папки выходили на славу! Каждый раз мы объедались так, что с трудом выходили из-за стола, держась за раздутые животики.

После обеда все усаживались у тёплой печи, папка рассказывал про своего отца.

Стряпать пельмени его научил наш дед.

– Что пятьсот штук, – папка махал сильной рукой. – Если бы видели, как стряпал пельмени ваш таада, дед! – Он на миг замолкал и выдыхал с новой силой: – На весь аймак славился! Мы делали по два-три мешка и ездили зимой продавать, порция – копейка.

– Что-то больно дешёво? – спрашивал Сашка.

– Ничего не дешёво, балам, – папка трепал сына за жесткий чуб. – Для бедняка копейка дорогая была, сынок. Мой ада, ваш дед Степаш, непременно хотел, чтобы я стал учителем. Поэтому часто сами недоедали, а стряпали на продажу, собирали мне деньги на учёбу. Жить и учиться в городе – для этого нужны были деньги, вот и ездили по аймакам.

Я трогала свой кругленький тугой, как резиновый мячик, живот и представляла папку с дедом на санях. Вот они остановились у большого аила, дома, и ещё совсем юный папка с трудом поднимает мешок пельменей. Их обступают алтайцы, русские, слышится:

– Эзендер! Здравствуйте!

– Якши ба! Здравствуйте! – отвечают папка и дед. Мороженые пельмени, как ледышки, стучат друг об дружку.

– Болушкан учун! Спасибо! Спасибо! – благодарят их люди. И, кланяясь, приговаривают: – Быйанзак киж! Добрый человек! Хороший человек.

Принесёт эти пельмени хозяин в аил, бросит в бурлящий казан, который пустовал несколько дней. На запах соберутся у очага все его обитатели, будут есть и приговаривать:

– Амтанду пелмен! Вкусные пельмени!

... Быстро пустеют мешки у папки и деда. Рано смеркается зимой. Затемно возвращаются они домой, весело погоняя Рыжку. Ада думает о чочое араки, а маленький папка – о чашке с молоком и талканом солёного алтайского чая...

Я видела деда на фотографии. Если б не эта, пожелтевшая от времени карточка, то мы бы не знали, как выглядел наш ада. Там он ещё совсем не походил на деда. Без бороды, в колоритной алтайской шапке, отороченной лисьим мехом, лихо сидит на низкорослом алтайском скакуне и в глубоком раздумье потягивает из кривой трубки. По правую руку на такой же низкорослой лошадке сидит наш папка. Тогда он ещё не был ничьим папкой. Длинный и худой, красивые чёрные волосы треплет ветер, слетевший с синих-синих гор. Папка, как и дед, смотрит вперёд.

Наблюдая за большим, грузным папкой, я с трудом представляла его молодым, а уж таким, как на фотокарточке, совсем не могла придумать.

Отец не любил вспоминать детство, тяжёлое оно было, а про деда рассказывал охотно. Ада мечтал увидеть своего сына учёным человеком, так как сам и его жена, эмеген, были безграмотными, пасли коней, овец, занимались охотой.

Сначала отец окончил школу, потом рабфак, который впоследствии стал педучилищем. Не знаю почему, но папку любили и дети, и взрослые. В тридцать один год, когда он вернулся в 1943 году с Ленинградского фронта, где его

контузило, ему доверили детдом. Он был самым молодым директором детского дома не только в Алтайском крае, но и по всей Западной Сибири.

... А каждую осень, по зову предков, папку тянуло в тайгу. Он уходил орешничать и бить белку, соболя.

Бывало, вернётся через несколько месяцев из тайги, лицо заросло рыжей щетиной, глаза светятся ярким добрым огнём, и зубы блестят.

Мы всегда радовались папиному возвращению. На улице уже зима. Он заходит в избу, с ног до головы обвешанный беличьими шкурками, с большим рюкзаком за плечами. Мы трусимся вокруг него, как зайцы.

– Эзендер, балдар! Здравствуйте, детишки! – Папка радостно смеётся.

– Эзендер, ада! – кричим мы от счастья. Каждый из нас лезет к отцу, норовит потрогать, братья – ружьё, сестрёнки – пушистые шкурки. Отец нас обнимает, и мы виснем у него на шее, плечах и спине.

– А ну-ка, дайте раздеться, – мама, глядя на нас, улыбается и тетешкает самого малого, седьмого по счёту, Петрушу, который, узнав отца, тянет к нему пухлые ручонки.

– Балам ты мой! – Папка берёт меньшего сына и подбирашивает к потолку. Петька заливается весёлым смехом.

– Не боится! Смотри, мать, будет как дед, такой же баатыр! Меньшего папка усаживает на колени, нам завидно, и мы тоже лезем к нему.

– Балам, уже за девчонками бегаешь, – говорит отец Сашке, – а тоже на колени хочешь сесть. Ну, не дуйся, не дуйся. Папка обнимает старшего сына.

– Валя, подай-ка мне вон тот мешочек. Да, да, беленький.

Мы ждём, так как знаем, что без гостинцев папка не приезжает. Даже из тайги он привозил что-нибудь вкусненькое.

Папка медленно развязывает мешочек, а мы от нетерпения подпрыгиваем.

– Подставляйте ладошки. – Отец насыпает нам пригоршни зёрен – урен, кедрового ореха.

– Вкусно? – спрашивает папка.

– Угу, – киваем мы головами, рот полон, и больше сказать от удовольствия ничего не можем.

Затем отец зовёт маму и просит её согреть воду. Он не любил бороду, поэтому, как только возвращался из тайги, первым делом сбрасывал её. А мы в это время спрашивали:

– Папка, а медведя видел? А он большой? Страшный?

– Расскажу, обязательно расскажу, вот только бороду сбрую.

Мы продолжали уплетать за обе щеки орехи. Кто-нибудь вытаскивал из папиного рюкзака, специально для нас, отборные варёные шишки. В комнате сразу запахло тайгой, свежестью и смолой.

– Без меня вы тут, наверно, все слова забыли?

Мы, как по команде, бежали к дивану, где сидел маленький Петя, и чуть ли не хором спрашивали его:

– Петя, где кос? – брат пальчиком дотрагивался до глаз.

– А где тумчук? – он, щурясь, тянул себя за нос.

– Балам, – не выдерживал папка, – покажи, где яак?

Петя молчал.

– Вот, вот, – помогали мы братишке, оттягивая его и без того толстенные щёки.

– Хорошо, – отец продолжал нас экзаменовать. – Кто помнить, как будет – попасть не в бровь, а в глаз?

Мы вспоминали это крылатое выражение, и я первой выкрикивала:

– Чип-чике айткан сос!

– Кирке, балам! – хвалил меня отец, заканчивая бриться.

Мы переставали жевать и садились поближе к отцу. Старшие: Наташа, Сашок и я – уступали место малышам, которые

лезли на колени. Папка прижимал их к себе, мама успокаивала разыгравшегося Петьку, который хватал её за нос и повторял:

– Тумчук-чумчук! Тумчук-чумчук!

– Тумчук-чумчук! Тумчук-чумчук!

– Слушайте, – начинал свой рассказ папка. – Иду я по тайге.

А вышел из зимовья один. Пошёл на белку поохотиться. Зашёл далеко, кедры подступают со всех сторон. Смотрю, впереди светится, должно быть, поляна, думаю. Выхожу, точно поляна. Малины на ней полным-полно. Только я потянулся за ягодой, Кудай! Прямо на меня идёт Мишка!

– Большой?!

– Огромный! Я-то его первый заметил. Обомлел и не знаю, что делать... Стою, ружьё за спиной, а я совсем растерялся. Постояли мы друг против друга молчком, наверное, это было какое-то мгновение, а показалось – вечностью... Потом оба очнулись да как сиганём в разные стороны. У меня сердце, как у косоного, в пятки ушло.

А чего тут стыдиться, балам, бежал от лесного зверя, хозяина тайги, а не от врага.

Мы шикаем на Сашку. Знаем, что папка ничего и никого не боится. Воевал танкистом на Ленинградском фронте, был контужен, ранен, лежал в госпитале, награждён медалью «За Отвагу». Она до сих пор у меня стоит перед глазами. Я помню, как играла этой красивой медалью. Но, к сожалению, награды эти мы не сохранили. Над круглым столом в большой комнате висит фотография папки, где он в форме танкиста, совсем молодой и красивый...

А вечером в нашем доме собирались папины друзья и алтайцы, и русские. Он подвязывал живот полотенцем, вручал каждому вилку, и мы опять начинали стряпать пельмени.